

Феррари с.л. 5.3.92

Терминатора и Рэмбо, на свете существуют иные герои, не бьющие по морде, а рефлексирющие, любящие, страдающие. И все же от убежденности своей не отказываюсь, я счастлив, что моя юность совпала с неореализмом, с польской «киношколой», с французской «новой волной».

Осип Мандельштам написал в начале века, что, биография разночинца состоит из книг, которые он прочитал. Эта вскользь брошенная мысль гения представляется мне с течением жизни все более справедливой. Я лишь позволяю себе несколько ее варьировать и видоизменять. Для разночинца моей, например, генерации (а где среди нас аристократы?) собственная биография все чаще представляется списком просмотренных фильмов. Так вот в этом смысле я утверждаю, что мы отнюдь не пропащее поколение. Хотя бы потому, что воспитанию наших чувств способствовали картины Вайды и Кавалеровича, Витторио Де Сика и Джерми, Трюффо и Годара. (Самое парадоксальное, что даже те, которых мы не видели, но о которых были лишь слышаны или начитаны). Мы не пропащее поколение хотя бы потому, что были воспитаны этими фильмами, что искусство не забава, не развлечение, не повод для эпатажа, не средство для достижения успеха, а нечто в смысле подлинности равное самой жизни, то, без чего мы никогда не поймем, кто мы такие и зачем.

Биография разночинца

Это счастье, нет-нет, посещает меня и сейчас. В последний раз я пережил его совсем недавно, на премьере картины эстонского режиссера Арво Ихо по сценарию Марии Шептуновой «Только для сумасшедших». Господи, как же я был благодарен своей зрительской молодости ранних шестидесятых за то, что она научила меня ценить на экране не экзотику и не роскошь невиданной жизни, а глубокий драматизм обыденности, «ловить кайф» не от победительности эталонных красавиц и суперменов, а от душевного смятения обыкновенных на первый взгляд мужчин и женщин, на самом-то деле отмеченных безнадежной красотой противостояния житейской пошлости, озлоблению, духовному распаду.

Напористый критик из молодежной газеты (надеюсь все же, что тон мой не воспринимается стариковски ворчливым) досаждает на то, что у нас нет настоящих звезд. Я безмерно рад, что у нас есть Маргарита Терехова, с которой я не сравню ни одну так называемую звезду. Вероятно, в этом и состоит разница между нашими поколениями. Разница во вкусах и, как говорится, эстетических ожиданиях наших поколений. А в конечном итоге в их судьбах. И опять же в фильмах, оказавших немаловажное воздействие на эти судьбы.

Во многом, да что там, почти во всем, что касается свободы личного проявления, завидую молодому поколению. В одном, однако, готов его пожалеть. Со всем бесхитростным сочувствием старшего, хотя и не слишком удачливого товарища. Я искренне боюсь, что, повзрослев и потеряв благую способность радоваться кинематографической стрельбе, беготне и мордобойю, они так и не научатся искусству высокого зрительского соответствия, науке «внимания и воображения», способности различать тонкие движения — и в психологии героев, и в собственной душе. Спрошу проще, кто спустя годы останется в их памяти олицетворением их собственной юности и того времени, той эпохи, с какой эта юность совпала? Неужели все тот же бестрепетный, роботоподобный Шварценеггер?

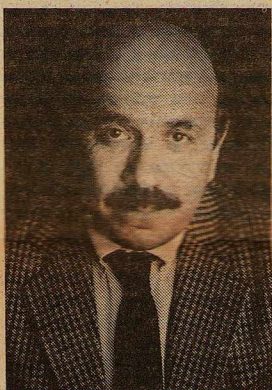
Не хочу хвалиться, но моему поколению и в этом смысле повезло. В сущности, я осознаю это, выстукивая на машинке эти строки. И еще вспоминая, как неделю назад, поздним вечером впервые увидел, спасибо телевидению, знаменитый фильм Годара «На последнем дыханье». Там снимался Жан-Поль Бельмондо. Еще не звезда, не плейбой, не супермен, а мало кому известный дебютант, безрассудный, неприкаянный, непутевый парижский парень конца пятидесятых, так похожий на таких же непутевых и неприкаянных московских парней той полузабытой уже советской оттепели. Между Парижем и Москвой висел, почти касаясь земли, ржавый непроницаемый железный занавес, но поразительная вещь, в этом лирическом

французском хулигане, я с сердечным сжатием узнавал российских романтиков и лириков с такими же приклатненными манерами и с такою же изломанной судьбой.

Жан-Поль Бельмондо в роли типичного молодого человека послевоенной Европы умирал на парижской брусчатке от полицейской пули, и я понимаю теперь, почему каждый кадр, запечатлевший его последние вздохи, пересказывали мне наизусть, как стихи, приятели моей юности, вгиковские студенты, нынешние режиссеры, операторы и сценаристы.

Ан. МАКАРОВ.

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК



ЛЮБИМЕЦ бывшей советской публики Даниэль Ольбрыхский заметил самокритично, что не обольщается той любовью, которую вот уже почти четверть века ощущает к себе на российских просторах. То есть весьма ею дорожит, но не обольщается. Ибо понимает, что занимал на экранах этой огромной страны не по праву важное место, естественно, не вытесняя с них, но как бы замещая собой отсутствовавших по известным причинам звезд мировой величины.

Это признание замечательного артиста делало ему честь. И я не решился высказать ему соображение, которое теперь довожу, как говорится, до сведения общественности. Суть его такова в несколько романтизированном полемическом выражении: я ни за что не променяю своей молодости, воплощенной Збигневом Цыбульским и Даниэлем Ольбрыхским, на юность нынешнего поколения, осуществляющую себя в мечтах с помощью Арнольда Шварценеггера и Сильвестра Сталлоне. Это, повторяю, полемический задор, нарочитое обострение, ибо очевидно, что, помимо

Экран и сцена.